

Ю. Н. Кежа

Белорусский государственный университет, Минск, Республика Беларусь. kezha04@mail.ru

ВЛАСТЬ В КАМНЕ: КНЯЖЕСКОЕ ХРАМОВОЕ СТРОИТЕЛЬСТВО В ДОМОНГОЛЬСКОЙ РУСИ

В статье анализируется ктиторская деятельность древнерусских князей на территории Восточной Европы с конца X до 30-х гг. XIII в. Строительство храмов рассматривается в контексте репрезентации княжеской власти, а также формирования родового сакрального пространства отдельными представителями династии Рюриковичей. На начальном этапе христианизации (конец X – первая половина XI в.) и создания новых политических образований во второй половине XII в. строительство кафедральных соборов в крупных городах Руси предполагало формирование высокого статуса в династии с претензией на широкие властные полномочия. Храмовое строительство обозначало стремление к выстраиванию контроля над социальным пространством с отчетливой ориентацией на библейские образы. В период второй половины XI – XII в. в крупных древнерусских городах князья Рюриковичи основывают патрональные храмы и монастыри. Данная ктиторская деятельность маркировала место определенной княжеской линии в общей структуре рода Рюриковичей. Княжеское сакральное строительство в Новгороде в домонгольский период показывает способы создания древнерусскими князьями универсальных христианских топосов, основная цель которых – одобрение и поддержка местного населения, а также укрепление княжеского авторитета и престижа.

Ключевые слова: Древняя Русь, Рюриковичи, княжеская власть, древнерусские храмы, князья-ктиторы

Исследование выполнено при финансовой поддержке Белорусского республиканского фонда фундаментальных исследований (БРФФИ), договор № Г23ИП-005.

В процессе утверждения и распространения христианства на землях Руси одним из главных показателей репрезентации власти правителей являлась ктиторская деятельность в возведении храмов и монастырей. Сохранившиеся летописные упоминания о каменных храмовых постройках свидетельствуют о преимущественной роли князей как активных инициаторов и донаторов церковного строительства. Возведение христианских храмов в Древней Руси (XI–XIII вв.) являлось важнейшим проявлением деятельности князей Рюриковичей по организации сакрального пространства на подвластной территории.

Строительство храмов древнерусскими князьями было призвано обеспечить заступничество и покровительство со стороны высших сил для определенного князя или всего княжеского рода. В этом случае строительная деятельность была обусловлена верой князей в спасительность их ктиторских деяний и носила религиозный характер [Преображенский, 2012а]. Многие из князей-заказчиков после смерти были погребены в возведенных ими же храмах. Позже некоторые из этих храмов или монастырей становились усыпальницами для потомков князя-основателя. В результате происходило выстраивание родового сакрального пространства и место упокоения правителей становилось семейным некрополем¹.

Помимо сугубо религиозной функции, храмовое строительство могло носить репрезентативный характер и выступать как своеобразное средство символической коммуникации как между правителями внутри рода Рюриковичей, так и между князьями и городским населением.

Таким образом, исходя из реальных возможностей ктитора-князя, размера и характера постройки, определялись его социальная роль в обществе, персональная харизма, а также стремление к благочестию и посмертному поминовению [Преображенский, 2012б, с. 63].

¹ В данной статье княжеские храмы не рассматриваются как места захоронений, так как эта тема была нами подробно проанализирована в отдельной публикации: [Кежа].

Цель статьи – на основе анализа летописных данных рассмотреть случаи княжеского храмового строительства в домонгольской Руси (конец X – 30-е гг. XIII в.), выявить основные мотивы и цели ктиторовской деятельности древнерусских князей.

* * *

Храмовое строительство на землях Руси берет свое начало с христианизаторской деятельности Владимира Святославича (980–1015 гг.). Возведенная им в Киеве первая каменная церковь Богородицы Десятинной стала основой сакрального городского пространства, которое в последующие десятилетия активно развивалось и дополнялось его потомками².

В одном из древнейших произведений древнерусской литературы, «Памяти и похвале князю русскому Владимиру» (первая половина XI в.), Владимир несколько раз отождествляется с первым римским императором-христианином Константином – основателем Константинополя, новой христианской столицы Римской империи: «И бысть 2 Костантин в Руской земли Володимиръ. Се есть новый Костантинъ великаго Рима, иже крестився самъ, и люди своя крести; тако и се створи подобно ему»³. С императором Константином Владимир сравнивается в «Слове о законе и благодати» митрополита Илариона (середина XI в.): «подобниче великааго Коньстантина – равноумне, равнолюбче, равночестителю служителемь его»⁴. В ПВЛ, в некрологе Владимиру, киевский князь также отождествляется с Константином, а Киев – с Новым Римом / Константинополем: «се есть новъи Костантинъ великаго Рима . иже крѣтивьса са^м и люди своя . тако и съ створи подобно юму»⁵. Образ Владимира как нового Константина нашел свое отражение в древнерусских церковно-поэтических текстах. В служебных минеях, содержащих стихиры и канон св. равноапостольному князю Владимиру, правители Константин и Владимир выступают как родоначальники христианских династий. Отмечается параллель между храмом Апостолов в Константинополе и Десятинной церковью в Киеве [Василик, с. 229].

Принятие Русью восточного христианства определило местную ориентацию храмового строительства на византийские образцы⁶. Само освящение Десятинной церкви Богородицы в 996 г. было приурочено к 11 мая. Именно в этот день в 330 г. император Константин посвятил новую столицу империи Богоматери, что было отмечено в греческом месяцеслове как праздник обновления Царьграда [Данилевский, 2019, с. 306]. Соотнесение Владимира Святославича и императора Константина было обосновано в идее «перенесения» христианской веры из Константинополя в Киев, что нашло свое отражение в «Слове о законе и благодати»⁷.

В результате исследования фундаментов и стен Десятинной церкви последнего десятилетия был сделан вывод о применении строительных технологий константинопольских мастеров [Ёлшин, с. 252–253], а также о наличии на черепице и карнизе храма греческих надписей средневизантийского периода [Виноградов, Ёлшин, с. 58]. Кроме Десятинной церкви, в конце X в. в Киеве были построены кирпичные ворота, обозначающие парадный въезд в «город Вла-

² Летописные годы строительства церкви Богородицы Десятинной: 989–996 гг. Повесть временных лет (далее – ПВЛ) повествует об основании храма под 6497 (989) г. (ПСРЛ. Л., 1926. Т. 1. Вып. 1. Стб. 121–122).

³ Память и похвала князю Владимиру Иакова Мниха и Житие князя Владимира. Berkeley, 1988. С. 11.

⁴ Молдован А. М. «Слово о законе и благодати» Илариона. Киев, 1984. С. 96.

⁵ ПСРЛ. Т. 1. Вып. 1. Стб. 130–131.

⁶ Использование византийских образцов при репрезентации власти Владимира проявилось, в частности, в чеканке первых русских монет – златников и сребреников. Прототипом златника послужил солид византийских императоров Василия II и Константина VIII. Внешним видом, весом и чеканкой златник копировал византийскую номисму [Творогов], сребреники чеканились в подражание византийскому милиарисию [Котляр, Седых, с. 785]. На прямые византийские заимствования указывает изображение Владимира по аналогии с византийскими василевсами на престоле, с императорскими инсигниями и в царском одеянии [Соколова, с. 70–71].

⁷ «Ты же (Владимир. – Ю. К.) с бабою твоею Ольгою принесъша крестъ от новаго Иерусалима Константина града» (Молдован А. М. «Слово о законе и благодати» Илариона. С. 97).

димира», а также несколько дворцовых зданий, предназначенных для церемониальных целей. Согласно археологическим данным, сооружение киевских дворцов демонстрирует архитектурные решения, которые использовались при строительстве константинопольских комплексов [Ёлшин, Фрезе]. На площади перед Десятинной церковью была установлена вывезенная из Херсонеса (Корсуня) трофейная скульптура четырех медных лошадей⁸.

Наличие в Киеве первого монументального скульптурного ансамбля выделяло город среди остальных центров Руси. Через каменное церковное и дворцовое строительство Владимир Святославич обозначает столичный статус Киева по аналогии с Константинополем и Иерусалимом как главными центрами средневекового христианского мира. Киевский князь формирует городское пространство, ориентируясь на константинопольскую (иерусалимскую) модель, где дорога к главному храму города ведет через центральные Золотые ворота. Вероятно, определенные заимствования из Византии имели место при дворцовом строительстве и установке трофейной скульптуры (квадриги) перед Десятинным храмом. Идея Киева как столичного центра древнерусских земель являлась частью константинопольской имперской идеи. Киев воспроизводил образ Константинополя, а оба города вместе – образ Иерусалима как центра богоспасаемого человечества [Назаренко, 2009, с. 110–112].

Помимо ориентации на константинопольский образец, летописное описание символических действий Владимира отчетливо отражает ветхозаветную библейскую традицию⁹. Владимир в своей деятельности сравнивается с Соломоном, который после строительства Иерусалимского храма устраивает пиры и раздачу даров для жителей города (3 Цар 8: 49; 3 Цар 9: 4)¹⁰.

Переноса образ ветхозаветного царя Соломона на основателя церкви Богородицы Владимира Святославича, киевские интеллектуалы соотносили первую каменную христианскую церковь Киева с Иерусалимским храмом. Отождествление Киева с Иерусалимом, а Десятинной церкви с Храмом Соломона сохранялось на всем протяжении домонгольской истории Руси. Описывая разорение Киева и гибель Десятинной церкви в 1240 г. под ударами монголов, летописец под влиянием «Истории Иудейской войны» Иосифа Флавия уподобляет осаду Киева осаде Иерусалима, а разрушение Десятинной церкви – разрушению Иерусалимского храма [Толочко, 2012, с. 28–33].

Создание Владимиром Святославичем первого каменного храма в Киеве было призвано транслировать новый идейно-политический смысл – обозначить главенствующее положение князя в династии Рюриковичей. Владимир при отсутствии братьев-конкурентов более 30 лет являлся единоличным правителем Руси. Принятие Владимиром христианства из Византии с развитыми представлениями о сакрализации императорской власти отразилось на репрезентации Владимиром собственного положения как старшего представителя династии. Статус верховного правителя предполагал выстраивание пространства, призванного данным статусом четко маркировать. С этой целью создается городское пространство – «город Владимира», состоящий из парадного въезда, княжеского дворца и Десятинной церкви – главной архитектурной доминанты Киева конца X – первой трети XI в.

Получивший власть в ходе кровопролитной внутридинастической войны сын Владимира Ярослав с 1036 г. до своей смерти в 1054 г., так же как и его отец, занимал главенствующее

⁸ Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов (далее – НПЛ). М.; Л., 1950. С. 155–156.

⁹ Владимир занимается строительством городов в приграничных областях своих владений и заселяет их различными этническими общностями, уподобляясь тем самым ветхозаветному царю Соломону (3 Цар 6: 1–22; 3 Цар 7: 1–11). Наделение Владимиром церкви Богородицы десятой частью княжеских доходов соотносится с библейскими мотивами из Второзакония (Втор 14: 22–26) [Ричка, с. 59–61].

¹⁰ Об устройстве Владимиром пиров и раздаче даров летописец упоминает неоднократно (ПСРА. Т. 1. Вып. 1. Стб. 124–126).

положение на землях Руси¹¹. Данный факт отразился в строительной деятельности Ярослава, которая по своим масштабам и идейному наполнению превосходила начинания Владимира.

В подражание Константинополю при Ярославе в Киеве строится собор Святой Софии, Золотые ворота с надвратным храмом Благовещения, монастыри Св. Георгия и Св. Ирины¹². Параллельно начинает формироваться идея богоизбранности Руси.

Семантика построек Ярослава Владимировича прочитывается довольно прозрачно. В Средние века центром мира и всего богоспасаемого человечества считался Иерусалим. Центром Иерусалима являлся Храм Господень. После падения Иерусалима и гибели Ветхозаветного храма в 70 г. н. э. духовный центр мира мог перемещаться¹³. В научной литературе восприятие идеи перемещения центра богоспасаемого человечества получило название «Translatio Hierosolymii» [Акентьев, с. 77–80]. К концу X в. «Новый Иерусалим» отождествлялся с Константинополем, а сама структура городского пространства византийской столицы копировала городскую топографию Иерусалима. В Константинополе, как и в Иерусалиме, были построены Золотые ворота, через которые, согласно библейскому преданию, Христос входил в город. От Золотых ворот главная улица вела к главному храму – Собору Святой Софии – Премудрости Божией, который, в свою очередь, выступал как прообраз Храма Господня (ветхозаветного Храма Иудейского).

В период правления Ярослава данные идеи были хорошо известны на Руси и нашли свое прямое воплощение в градостроительной деятельности киевского князя. Через копирование главных сакральных топосов Константинополя: Золотых ворот, храма Св. Софии, монастырей Св. Ирины и Св. Георгия – на Руси воплощалась идея восприятия Киева как «Нового Константинополя» или «Нового Иерусалима» [Данилевский, 1998, с. 148; Ричка, с. 88–102; Рычка, 2017, с. 521]. Эта концепция нашла свое прямое отражение в «Слове о законе и благодати», где теперь уже Ярослав отождествляется со строителем Иерусалимского храма Соломоном, а Киев – с местным храмом Святой Софии – как новый христианский центр мира¹⁴. Актуализация данных представлений на Руси, по-видимому, была связана с эсхатологическими ожиданиями Второго пришествия и Страшного суда [Данилевский, 2019, с. 396–411].

Софийский собор, построенный по инициативе Ярослава Владимировича, благодаря интеллектуальной работе киевских книжников и митрополита Илариона, автора «Слова о законе и благодати», приобрел свое идейное наполнение. Главный храм Руси XI в. стал материальным воплощением политико-идеологических представлений древнерусского общества о значении и верховенстве великокняжеской власти и главенства Киева как сосредоточения и центра этой власти [Рычка, 2007, с. 68].

Строительство Святой Софии и всего грандиозного монументального ансамбля Киева могло быть связано с осмыслением Ярославом собственного правления как власти прямого заместителя Бога в «Русской земле», которая, согласно идейному замыслу составителя ПВЛ, была избрана в «последние времена» перед ожидаемым концом мира¹⁵ [Данилевский, 2019,

¹¹ В ПВЛ по Ипатьевскому списку смерть Мстислава Владимировича и единоличное воеводство Ярослава на землях Руси датируется 6542 (1034) г.: «по семь же приа власть его (Мстислава. – Ю. К.) Ярославъ . и быѣ единовластечъ . Руской земли» (ПСРА. СПб., 1908. Т. 2. Стб. 138).

¹² ПСРА. Т. 1. Вып. 1. Стб. 151.

¹³ В христианской традиции известны многочисленные воспроизведения «Нового Иерусалима» со Святой землей – местом, где происходили события новозаветной истории [Лидов].

¹⁴ Молдован А. М. «Слово о законе и благодати» Илариона. С. 97.

¹⁵ Обращает на себя внимание ктиторская композиция Софийского собора с изображением всей княжеской семьи во главе с Ярославом Владимировичем, который как основатель собора преподносит модель храма Христу [Преображенский, 2012б, с. 84]. Ктиторский портрет говорил зрителю о благословении Христом правящего княжеского рода во главе с Ярославом, выполняющим апостольскую миссию [Преображенский, 2012б, с. 90; Свердлов, с. 368]. Изображение всего семейства киевского князя и самого Ярослава перед Христом декларировало идею божественной опеки над князем, княжеской семьей и Киевом как центром Русской земли [Козак, с. 51].

с. 358–371]. Таким образом, в копировании городского пространства Константинополя/Иерусалима в 30–50-е гг. XI в. отразился период неоспоримого старшинства Ярослава среди Рюриковичей, его главенствующего положения в династии и фактически единоличного правления на землях Руси¹⁶.

В 1045–1050 гг. каменный храм Святой Софии строится в Новгороде¹⁷. Летописным основателем новгородского храма был Владимир Ярославич (1020–1052), однако инициатива строительства и его «материальное» обеспечение, по всей видимости, исходили от его отца Ярослава¹⁸ [Рычка, 2007, с. 69; Беляев, 2014а, с. 777]. Строительством новгородского храма Святой Софии и распространением культа Премудрости Божией, соотносящейся с самим Христом, киевский князь через своего сына-наместника Владимира обозначал право собственной власти, а также власти своего рода над территорией Новгорода и Новгородской земли¹⁹.

В домонгольской истории Руси можно обнаружить еще один пример, когда авторитарные амбиции князя находили проявление в основании и организации сакрального городского пространства. В 1157 г., после смерти Юрия Долгорукого, его сын Андрей Юрьевич Боголюбский (около 1111 – 1174) захватил власть в Суздальской земле, сделав ее столицей город Владимир. Это положило начало существованию крупного политического образования – Владимирского княжества, процветавшего вплоть до нашествия Батые в 1238 г. [Кучкин].

Для репрезентации своих властных полномочий Андрей Юрьевич моделирует городское пространство Владимира на Клязьме ориентируясь на великокняжеский Киев, символически перенося таким образом политический центр Руси на территорию Владимиро-Суздальской земли²⁰. Андрей воспроизводил сакральное пространство, основываясь на предыдущих иеротопических начинаниях, осуществленных его дедом Владимиром Мономахом (1053–1125). В начале XII в. Владимир Всеволодович Мономах основывает новый город в Суздальской земле и называет его своим именем. С самого начала существования города его планировка, а также названия главных урочищ копируют городские топосы Киева²¹.

В период правления Андрея Юрьевича во Владимире на Клязьме строятся каменные Золотые ворота, рядом с которыми была построена церковь Святого Спаса²². Центральной архитектурной доминантой города был Успенский собор, возведенный по инициативе Андрея Боголюбского в 1160 г. и перестроенный его братом Всеволодом Юрьевичем в 1189 г.²³ Закла-

¹⁶ В надписи на стене храма Святой Софии, повествующей о смерти Ярослава, в отношении киевского князя употребляется титул «царь»: «В (лето) 6562 месяца февраля 20-го успение царя нашего...». Данная надпись соответствует упоминанию Ипатьевской летописи под 6562 г. о кончине киевского князя Ярослава Владимировича [Высоцкий, 1966, с. 40–41].

¹⁷ «Съгорѣ святая Софія, въ субботу, по заутрѣни, въ час 3, мѣсяца марта въ 15. Въ то же лѣто заложена бысть святая Софія Новѣгородѣ Володимиромъ князьмъ» (НПЛ. С. 16).

¹⁸ О контроле Ярослава над Новгородом свидетельствует летописное сообщение о назначении новгородским князем сына Ярослава Владимира, а также о назначении новгородским епископом Луки Жидяты: «иде Йрославъ к Новугороду . посади сѣна своего Володимира . в Новѣгородѣ епѣпа постави Жидатоу» (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 138).

¹⁹ С XIII в. новгородский культ святой Софии будет ассоциироваться со «все́м Новгородом» как политическим сообществом горожан. В XV в. политический культ святой Софии персонализируется в образе «огнезрачного ангела», что свидетельствовало о становлении Новгородской республики как «самовластного» политического образования [Лукин, с. 240]. отождествление культа святой Софии с городским сообществом Новгорода в XIII–XV вв. не отменяет предположения, что изначальный замысел строительства храма был связан с властными амбициями Ярослава Владимировича по сохранению своего влияния на Новгород.

²⁰ Политическим центром Руси Владимир на Клязьме оставался в период правления Андрея Боголюбского (1158–1174 гг.). После его убийства Киев продолжал рассматриваться князьями Рюриковичами как главный город древнерусских земель.

²¹ Пригороды Владимира копировали название киевских урочищ и рек: Печерный город, реки Лыбедь, Ирпень и Почайна. По аналогии с церковью Спаса на Берестове киевской княжеской резиденции при Мономахе во Владимире также строится каменная церковь Спаса [Воронин, с. 15].

²² ПСРЛ. А., 1927. Т. 1. Вып. 2. Стб. 351.

²³ Там же. Стб. 348, 351.

дывая Успенский собор, Андрей Боголюбский рассматривал храм как центр будущей Владимирской митрополии, независимой от Киева [Воронин, с. 25; Гайденко, с. 36–42].

В отличие от Киева и Новгорода, где главенствующее положение занимал культ святой Софии, в церковном строительстве Андрея Боголюбского исключительное значение приобрел культ Богородицы. Распространению культа Богородицы и активному храмовому строительству во Владимиро-Суздальской земле предшествовал акт переноса Андреем в 1155 г. святыни – вышгородской иконы Богородицы Андреем из Киева во Владимиро-Суздальское княжество²⁴. Помимо церкви Успения, главного кафедрального храма Владимира, на Золотых воротах была построена надвратная церковь Положения Риз Богородицы²⁵. В других городах Владимиро-Суздальской земли Андреем также были построены храмы, посвященные Богородице: Рождества Богородицы в его резиденции Боголюбове²⁶, Успения Богородицы в Ростове²⁷, Покрова Богородицы на реке Нерли [Беляев, 2014б]. Храм Покрова на Нерли был посвящен новому, неизвестному в Византии празднику Покрова Богоматери, наиболее ярко выразившему господствующую мысль о покровительстве Богородицы князю Андрею и всей Владимиро-Суздальской земле [Воронин, с. 30].

В дальнейшем строительство храмов, посвященных Богоматери, наиболее активно велось представителями владимирской ветви Рюриковичей. Младший брат Андрея Всеволод Юрьевич (1154–1212) во Владимире строит храм Рождества Богородицы²⁸. Им же был построен собор Успения Богородицы при «Княгинином монастыре»²⁹. Сын Всеволода Константин (1185–1218) в 1213 г. восстанавливает церковь Успения Богородицы в Ростове³⁰, а спустя два года основывает одноименный храм в Ярославле³¹. Младший сын Всеволода Юрий (1188–1238) отстраивает храм Рождества Богородицы в Суздале³². Таким образом, общее количество церквей, посвященных Богородице, во Владимиро-Суздальском княжестве составляет десять, что превышает зафиксированные в летописях сообщения о возведении богородичных храмов всеми другими князьями Рюриковичами.

Распространяя культ Богоматери и строя богородичные храмы, Андрей Боголюбский во многом ориентировался на крестителя Руси Владимира Святославича. Так, например, уподобляясь создателю киевской Богородицкой церкви, после завершения строительства владимирского Успенского собора Андрей выделяет на храм десятую часть своих доходов³³. Так же как и киевский князь Владимир, который являлся родоначальником «обновленной», христианской княжеской династии и при котором началось развитие христианской топографии Киева, Андрей Боголюбский создает сакральную топографию Владимира на Клязьме и закладывает основы династического дискурса отдельного ответвления Рюриковичей – владимирских князей.

²⁴ Там же. Стб. 346.

²⁵ Там же. Стб. 351.

²⁶ Храм упоминается под 6685 (1177) г. в связи с разграблением Боголюбова рязанским князем Глебом Ростиславичем (ПСРА. Т. 1. Вып. 2. Стб. 383).

²⁷ В Лаврентьевской летописи под 6696 (1188) г. упоминается о росписи храма Успения Богородицы в Ростове (ПСРА. Т. 1. Вып. 2. Стб. 406). В 1213 г. на месте рухнувшей церкви, возведенной Боголюбским, церковь Успения была заново отстроена внуком Андрея Константином Всеволодовичем (Там же. Стб. 437).

²⁸ ПСРА. Т. 1. Вып. 2. Стб. 409.

²⁹ Там же. Стб. 415.

³⁰ Там же. Стб. 437.

³¹ Там же. Стб. 438.

³² Там же. Стб. 445.

³³ Там же. Стб. 348. Согласно исследованиям А. В. Лаушкина, закладка Успенского собора во Владимире на Клязьме (8 апреля 1158 г.) была приурочена к дате крещения Владимира Святого, что также указывает на идеологическую программу Андрея Юрьевича, в центре которой находилась идея Владимира как «Нового Киева» [Лаушкин, с. 78–82].

Среди всех князей домонгольского периода наиболее активную ктиторскую деятельность проводил ростовский и владимирский князь Константин Всеволодович (годы княжения в Ростове и Владимире: 1208–1216; 1216–1218). В Лаврентьевской летописи говорится о шести церковных постройках Константина: два храма во Владимире на Клязьме (Михаила Архангела³⁴ и Воздвижения Святого Креста³⁵), две церкви в Ростове (отстроенная Успения Богородицы³⁶ и церковь Святых Бориса и Глеба³⁷) и два храма в Ярославле (Успения Богородицы³⁸ и Преображения Господня³⁹). По количеству возведенных храмов Константин превосходит киевского князя Ярослава Владимировича (пять храмов) и сравнивается со своим дядей Андреем Боголюбским, который, как и Константин, в период своего правления также построил шесть храмов.

Как и Андрей Боголюбский, Константин Всеволодович отождествляется в летописях с библейским Соломоном. Константин сравнивается с ветхозаветным царем четыре раза (в статьях 1207, 1218 гг. и дважды в панегирике князю под 1218 г.). Дважды сравнение Константина с Соломоном приводится в контексте освящения храма и устройства по этому случаю пира⁴⁰. В панегирике Константину, наряду с перечислением его добродетелей, особое внимание уделяется его ктиторской деятельности: «Соломон бо ре^ѣ мл^ѣтнами и безлобье и вѣроу wчищаю^ѣ са грѣси . такъ бѣ блжнѣи съ кна^ѣ правдивъ . щедръ . крото^к . смѣренъ . всѣ^ѣ милуа . всѣ^ѣ набда . паче же всего дивную люба и славную мл^ѣтню . и цркъвное строенъе . и w то^м пекыса днѣ и ношь . велми бо печашеса о созданыи . прекрасны^ѣ Бжиихъ цркви . и многы цркви созда по своей власти . въображае чюдными въображении стѣхъ иконъ . исполнаа книгами и всакъыми оукрашении»⁴¹.

Соотнесение Константина с Соломоном, наряду с Андреем Боголюбским, указывает на определенные властные амбиции ростовского князя. После смерти Всеволода Юрьевича в 1212 г. Константин, опираясь на право старшего в роду владимирских князей, начал добиваться владимирского княжения, вступив в междоусобную борьбу с братом Юрием. Результатом противостояния стала кровопролитная битва на реке Липице 1216 г., по итогам которой Константин торжественно вошел во Владимир и получил власть практически над всей Владимиро-Суздальской землей⁴².

Весьма показательно, что наиболее активную ктиторскую деятельность Константин проявляет с 1213 по 1216 г. – в период активной борьбы за власть со своими младшими братьями⁴³. Донаторская деятельность Константина после 1212 г. (года смерти его отца Всеволода), на наш взгляд, является саморепрезентацией верховного властного статуса князя. Не случайно Константин в Суздальской летописи (в составе Лаврентьевского летописного свода) отождествляется с ветхозаветным Соломоном, как и его дядя Андрей Боголюбский, который с 1157 по 1174 г. являлся верховным правителем Владимирской земли и вел при этом активное храмовое строительство. Во многом символичной является строительная деятельность Константина

³⁴ ПСРА. Т. 1. Вып. 2. Стб. 433–434.

³⁵ Там же. Стб. 441.

³⁶ Там же. Стб. 437.

³⁷ Там же. Стб. 438.

³⁸ Там же.

³⁹ Там же. Стб. 439.

⁴⁰ Под 1207 г. сравнение Константина с Соломоном дается при освящении на княжеском дворе Ростова храма Архистратига Михаила (ПСРА. Т. 1. Вып. 2. Стб. 433–434). Намек на соотнесение Константина с Соломоном звучит под 1218 г. при описании освящения Борисоглебской церкви в Ростове (Там же. Стб. 442).

⁴¹ ПСРА. Т. 1. Вып. 2. Стб. 443.

⁴² Там же. Стб. 440. В 1216 г. его брат Юрий получил Городец, а в 1217 г. стал суздальским князем.

⁴³ В период с 1213 по 1216 г. Константином Всеволодовичем было построено четыре храма.

в 1213 г., воплощенная в постройке собора Успения Богородицы в Ростове на месте одноименной церкви, возведенной в 1162 г. Андреем Боголюбским⁴⁴.

* * *

С последней трети XI в. на территории владений Рюриковичей распространяется общерусское почитание святых Бориса и Глеба. По всей видимости, начало активного распространения культа князей-страстотерпцев связано с торжественным перенесением их мощей в храм Вышгорода, состоявшимся 20 мая 1072 г. при участии трех старших братьев Ярославичей: Изяслава, Святослава и Всеволода⁴⁵ [Рорре, s. 178–180; Голубинский, с. 71].

Совместные действия Ярославичей были призваны обозначить единство правящей династии и соблюдение общего принципа родового сюзеренитета Рюриковичей [Назаренко, 2008, с. 136; Толочко, 1992, с. 81–81]. В связи с этим политическая тенденция культа Бориса и Глеба заключалась в следовании принципам княжеского старейшинства. Мотив подчинения и послушания младшего брата старшему достаточно прозрачно отражен как в письменных источниках, так и в произведениях изобразительного искусства [Смирнова; Аристов; Архипова].

С последней четверти XI в. начинается активное храмовое строительство в честь новых святых. В древнерусских летописях зафиксирована ктиторийская деятельность князей Рюриковичей по отношению к семи домонгольским храмам, посвященным святым Борису и Глебу. Одноименные храмы были построены в Вышгороде (одноглавый каменный храм 1072 г. и обновленный храм 1115 г.) на реке Альте, в Смоленске (на реке Смядыни), в Чернигове, Ростове, Кидекше⁴⁶.

Основание каменного одноглавого Борисоглебского храма в Вышгороде на месте деревянной церкви упоминается при описании торжественного перенесения мощей святых братьями Ярославичами. Данные действия являлись элементом стратегии, направленной на укрепление личной власти и подкрепление княжеского авторитета заступничеством святых [Парамонова, с. 253]. По всей видимости, главный инициатор возведения храма – Изяслав Ярославич (1024–1078) – стремился укрепить свои позиции как старшего князя в династии. С этой целью по его инициативе строится новый храм в Вышгороде и происходит торжественный перенос мощей святых Бориса и Глеба. В церемонии участвуют младшие братья Изяслава – Святослав и Всеволод, а также представители духовенства⁴⁷. Участие Святослава и Всеволода было призвано продемонстрировать единство династии и подтвердить принцип мирного сосуществования между князьями, который был провозглашен в предсмертном наставлении их отца Ярослава Владимировича. Согласно «завещанию» Ярослава, киевским правителем и старшим князем в династии становился именно Изяслав⁴⁸.

В дальнейшем, анализируя строительство Борисоглебских храмов в XII – начале XIII в., можно проследить позиционирование некоторыми князьями своего главенствующего положения в династии путем строительства храмов, посвященных святым князьям-страстотерпцам.

⁴⁴ ПСРА. Т. 1. Вып. 2. Стб. 437.

⁴⁵ ПСРА. Т. 1. Вып. 1. Стб. 181–182.

⁴⁶ В летописях не отражено существование Борисоглебских храмов в Полоцке, Гродно. Также в данном контексте нами не упоминается деревянная церковь Святых Бориса и Глеба, возведенная в 1146 г. в Новгороде. В 1167 г. на ее месте был построен Садко Сытыничем одноименный каменный храм (НПА. С. 27, 32).

⁴⁷ ПСРА. Т. 1. Вып. 1. Стб. 181.

⁴⁸ Там же. Стб. 161.

В 1152 г. в Кидекше (Владими́ро-Сузда́льское княжество) на своих родовых землях Борисоглебскую церковь основывает Юрий Владимирович (1190-е – 1157)⁴⁹. На момент закладки храма Юрий уже много лет принимал участие в борьбе за киевский стол со своим племянником Изяславом Мстиславичем и по правилам родового старейшинства являлся старшим представителем династии⁵⁰.

В середине XII в. Ростислав Мстиславич (1107–1167) в Смоленске основывает каменный храм Святых Бориса и Глеба⁵¹. На момент основания храма (конец 40-х гг. XII в.) были в живых старшие родственники Ростислава, его дядя – Юрий и Вячеслав Владимировичи, а также старший брат Изяслав Мстиславич. Основным мотивом строительства храма является патрональная функция: сын Ростислава Мстиславича Давыд в качестве крестильного и мирского носил имя одного из святых князей-страстотерпцев – Глеба Владимировича, которого в крещении также звали Давыд⁵². Постройка Борисоглебской церкви могла рассматриваться как «отнее благословение сыну» [Преображенский, 2012а]. Святой Глеб, таким образом, являлся небесным заступником Давыда Ростиславича. С 1180 по 1197 г. Давыд княжил в Смоленске. В этот период (1191 г.) при участии Давыда состоялось «великое освящение» церкви и перенесение из Вышгорода гробниц Бориса и Глеба [Артамонов]. Похоронен Давыд Ростиславич был также в Борисоглебском храме Смоленска.

Последнее упоминание об основании церкви в честь святых Бориса и Глеба в домонгольский период относится к началу 1215 г. Храм в честь князей-страстотерпцев построил в своей резиденции в Ростове Константин Всеволодович – старший сын Всеволода Юрьевича, который после смерти отца получает власть во Владимиро-Суздальской земле⁵³.

* * *

Несмотря на авторитарные амбиции некоторых князей, в восточнославянских летописях отражено представление о том, что власть в древнерусских землях принадлежала всему княжескому роду Рюриковичей, а современное нам понятие «государство» прочно отождествлялось с правящей на Руси династией [Толочко, 1994, с. 10]. Периоды единовластного правления в конце X – первой половине XI в. Владимира Святославича и его сына Ярослава были скорее исключением из общего правила – право на власть в древнерусских землях имел практически любой представитель правящего рода.

Таким образом, отношения между князьями Рюриковичами в первую очередь следует рассматривать через призму родственных связей. Ктиторская деятельность, которая проявлялась в возведении храмов и монастырей в честь патрональных княжеских святых, позволяет рассмотреть проявления репрезентации власти отдельных князей, а также практики символической коммуникации между князьями внутри династии.

⁴⁹ Упоминание о закладке Юрием Владимировичем Борисоглебской церкви в Кидекше датируется 6667 (1159) г. и связано со смертью сына Юрия Владимировича Бориса (ПСРА. Т. 1. Вып. 2. Стб. 349). Помимо обозначения своего династического старейшинства, основной мотив строительства церкви в Кидекше мог быть связан с посвящением храма святому Борису – небесному покровителю Бориса Юрьевича, учитывая, что после смерти Юрия Владимировича его сын Андрей Боголюбский передал Кидекшу во владение именно младшему брату Борису.

⁵⁰ В предполагаемый год закладки Борисоглебского храма (1152 г.) был жив старший брат Юрия Владимировича Вячеслав, однако, как ни парадоксально, «старшим» князем в династии считался Юрий. К моменту смерти старших братьев у Вячеслава не было сыновей, что делало его претензии на родовое старейшинство весьма уязвимыми [Литвина, Успенский, 2016, с. 229].

⁵¹ Церковь упоминается в Ипатьевской летописи под 6705 (1197) г. в связи с погребением Давыда, сына Ростислава Мстиславича (ПСРА. Т. 2. Стб. 703).

⁵² Святые Борис и Глеб в крещении носили христианские имена Роман и Давыд. В княжеском именовании имени Роман всегда соответствует крестильное имя Борис, а имя Давыд отсылает к покровительству Глеба.

⁵³ ПСРА. Т. 1. Вып. 2. Стб. 438.

В период правления Ярослава Владимировича в Киеве были основаны монастыри (и одноименные храмы) Святого Георгия и Святой Ирины. Основание монастырей следует рассматривать не только как копирование городского сакрального пространства Константинополя, о чем было сказано выше, но и как создание Ярославом храмов в честь собственного патронального святого – Георгия Победоносца и небесной покровительницы жены Ярослава – святой Ирины [Высоцкий, 1982, с. 15–16].

С середины XI в. в связи с увеличением княжеской династии увеличивается и количество храмов, посвященных патрональным святым. Продолжает данную традицию во время своего киевского княжения сын Ярослава Владимировича Изяслав (1054–1073, 1076–1078 гг.). Изяславом, который в крещении получил имя Дмитрий, был основан монастырь Святого Дмитрия Солунского⁵⁴. В 1086 г. младший сын Ярослава киевский князь Всеволод Ярославич (1078–1093 гг.) основывает Андреевский монастырь в честь своего святого покровителя⁵⁵. В начале 80-х гг. XI в. сын Изяслава Ярославича Ярополк († 1086 г.) в Дмитровском монастыре, основанном его отцом, закладывает церковь Святого Петра⁵⁶. В 1108 г. еще одним сыном Изяслава Мстиславича киевским князем Святополком (1093–1113 гг.) основывается Михайловский (Златоверхий) монастырь, посвященный небесному покровителю Святополка архангелу Михаилу⁵⁷. В 1128 г. великим князем Мстиславом Владимировичем (1125–1132 гг.) в Киеве был основан Федоровский монастырь, посвященный Федору Тирону – святому покровителю киевского князя⁵⁸. В 1133 г. Изяславом Мстиславичем, который в крещении носил имя Пантелеймон, во время своего туровского княжения (1132–1134 гг.), был основан Пантелеймонов монастырь в Новгороде [Литвина, Успенский, 2006, с. 564; Печников]. В 1139 г. киевский князь Всеволод Ольгович (в крещении Кирилл) на северных подступах к Киеву закладывает Кирилловский монастырь⁵⁹. В 50-е гг. XII в. Юрий/Георгий Владимирович основывает в Юрьеве Польском (Владими́ро-Сузда́льская земля) храм в честь святого Георгия⁶⁰. В 1174 г. в родовом владении Ольговичей Чернигове Святослав/Михаил Всеволодович на княжеском дворе начинает строительство храма Михаила Архангела⁶¹. В конце 90-х гг. XII в. в одном из крупнейших политических центров Руси – Владимире на Клязьме – Всеволод Юрьевич основывает

⁵⁴ ПСРА. Т. 1. Вып. 1. Стб. 159. В пользу того, что Изяслав в крещении носил имя Дмитрий, свидетельствуют несколько печатей с изображением Дмитрия Солунского, которые В. Л. Янин атрибутирует Изяславу Ярославичу [Янин, 1970, с. 35–36].

⁵⁵ Монастырь упоминается в Лаврентьевской летописи под 6644 (1138) г. в связи с захоронением Ярополка Владимировича (ПСРА. Т. 1. Вып. 2. Стб. 306). В пользу вывода о том, что Всеволод Ярославич при крещении был назван Андреем, говорит ряд свидетельств, в частности надпись из киевской Софии, где сообщается о смерти князя Андрея в среду и погребении его в четверг 14 апреля, что полностью соответствует летописной дате смерти Всеволода Ярославича [Литвина, Успенский, 2006, с. 507; Янин, 1970, с. 15].

⁵⁶ Недостроенная церковь Святого Петра упоминается под 6594 (1086) г. в связи с погребением Ярополка Изяславича (ПСРА. Т. 1. Вып. 1. Стб. 206). Крестильное имя Ярополка Петр зафиксировано в молитвеннике матери Ярополка Гертруды [Литвина, Успенский, 2006, с. 621].

⁵⁷ ПСРА. Т. 1. Вып. 1. Стб. 253. О крестильном имени Святополка говорит печать киевского князя с изображением архангела Михаила [Янин, 1970, с. 30].

⁵⁸ ПСРА. Т. 1. Вып. 2. Стб. 299. Крестильное имя Мстислава Федор упоминается в Мстиславовом Евангелии, а также наряду с мирским именем приводится в «Хождении игумена Даниила» [Литвина, Успенский, 2006, с. 581].

⁵⁹ Монастырь упоминается под 6703 (1195) г. в связи с погребением сына Всеволода Ольговича Святослава (ПСРА. Т. 1. Вып. 2. Стб. 412). О крестильном имени Всеволода свидетельствует печать с изображением святого Кирилла, которая атрибутировалась В. Л. Яниным как печать Всеволода Ольговича [Янин, 1970, с. 71].

⁶⁰ Храм был перестроен в 1230–1234 гг. владимирским князем Святославом Всеволодовичем (ПСРА. Т. 1. Вып. 2. Стб. 460).

⁶¹ Там же. Стб. 571. О крестильном имени Святослава Всеволодовича свидетельствует печать с изображением архангела Михаила и святого Кирилла, которая атрибутируется В. Л. Яниным как печать Святослава Всеволодовича [Янин, 1970, с. 105–106]. Исходя из данной атрибуции Святослав Всеволодович на печати изображал как своего покровителя (архангела Михаила), так и покровителя своего отца Всеволода Ольговича (святого Кирилла Александрийского). Святослав, таким образом, унаследовал крестильное имя своего деда Олега Святославича.

храм святого Дмитрия Солунского, который выступал святым покровителем князя⁶². Одним из последних храмов домонгольского периода, который был построен в честь княжеского патронального святого, был киевский храм Василия Кесарийского, основанный Рюриком/Василием Ростиславичем⁶³. Известно также о постройке по заказу Рюрика церкви Святого Василия в Овруче [Асеев, Беляев].

При большом количестве древнерусских церквей, посвященных княжеским святым-покровителям, далеко не все храмы, возведенные по заказу князя-ктитора, посвящались его патрональному святому [Назаренко, 2001, с. 593]. Возведение храмов могло быть связано с отцом, сыном или братом князя-заказчика.

В 1172 г. у Рюрика Ростиславича на пути из Новгорода в Смоленск рождается сын Ростислав, в крещении нареченный Михаилом. В месте рождения княжича, городе Лучине, Рюрик закладывает храм Михаила Архангела, а сам город передает во владение новорожденному сыну⁶⁴. В третьей четверти XII в. смоленский князь Роман Ростиславич основывает в Смоленске храм Святого Иоанна Богослова, названный в честь небесного покровителя его младшего брата Святослава [Беляев, 2014в]. В конце XII в. Давыд Ростиславич строит в Смоленске храм Михаила Архангела в честь святого покровителя своего отца Ростислава, который продолжительное время правил в Смоленске⁶⁵.

Почитание некоторых патрональных святых со временем приобрело характер общеродового культа [Успенский, с. 253]. Среди княжеских сакральных построек домонгольского периода, посвященных определенным святым, преобладают храмы, возведенные в честь Бориса и Глеба, – 7⁶⁶, архангела Михаила – 5, святого Георгия – 5⁶⁷. Это может указывать на почитание святых Бориса и Глеба, Георгия и архангела Михаила как общеродовых святых династии Рюриковичей без конкретной привязки к княжескому антропонимикону. Рассмотрение крестильных имен князей-заказчиков подтверждает данный вывод в отношении Борисоглебских и Георгиевских церквей и в меньшей степени по отношению к Михайловским храмам.

Из всех домонгольских храмов, посвященных архангелу Михаилу, два были построены князьями-ктиторами в честь своего патронального святого (монастырь в Киеве, основанный Святополком/Михаилом Изяславичем, и храм в Чернигове, построенный по заказу Святослава/Михаила Всеволодовича), один храм освящен в честь святого покровителя сына князя-заказчика (храм в Лучине), один храм построен сыном в честь святого покровителя отца (Михайловская церковь в Смоленске). Один из храмов был построен в 1207 г. по заказу Константина Всеволодовича во Владимире на Клязьме⁶⁸. Последняя постройка может свидетельствовать об особом почитании Константином Архистратига Михаила не только (а может быть, и не столько) в семействе владимирских князей, а как святого, особо чтимого исключительно Константином⁶⁹.

⁶² Церковь упоминается под 6720 (1212) г. в связи со смертью Всеволода Юрьевича (ПСРА. Т. 1. Вып. 2. Стб. 436–437).

⁶³ ПСРА. Т. 2. Стб. 707.

⁶⁴ Там же. Стб. 567.

⁶⁵ Там же. Стб. 703–704.

⁶⁶ Необходимо отметить существование еще двух древнерусских княжеских Борисоглебских храмов в Полоцке и Гродно, информации о которых нет в летописях, и храма Бориса и Глеба в Рязани, основатель которого неизвестен.

⁶⁷ Количество остальных известных из летописей храмов (монастырей), возведенных Рюриковичами и посвященных княжеским святым: Николаю – 3, Дмитрию – 2, Иоанну – 2, Василию – 2, Андрею – 1, Федору – 1, Петру – 1, Пантелеймону – 1, Симеону – 1, Кириллу – 1.

⁶⁸ ПСРА. Т. 1. Вып. 2. Стб. 433.

⁶⁹ Об этом свидетельствует размещение храма на княжеском дворе Константина Всеволодовича, вне основной территории города.

Несколько иная ситуация наблюдается при рассмотрении мотивов постройки храмов, посвященных святому Георгию. Первый храм, освященный в честь Георгия Победоносца, был основан Ярославом Владимировичем. Причины постройки храма носили как репрезентативный (подражание Константинополю), так и лично-родовой характер. Патрональный характер носила и церковь Святого Георгия в Юрьеве-Польском, основанная Юрием Владимировичем.

Основание остальных храмов и монастырей, связанных с культом святого Георгия, – Георгиевского монастыря в Новгороде в 1119 г., Георгиевской церкви в Каневе в 1144 г. и Георгиевского собора в Ладоге в 1164 г. – не связано с почитанием святого как небесного заступника князей-основателей или покровителя их ближайших родственников⁷⁰. Из пяти известных Георгиевских храмов домонгольского периода три были основаны не с патрональной целью. Особое почитание культа святого Георгия Победоносца основателями храмов (Всеволодом Мстиславичем, Всеволодом Ольговичем и Святославом Ростиславичем) может объясняться почитанием князьями своего предка Ярослава Владимировича, который являлся прапрадедом большинства ветвей Рюриковичей XII в.

Во Владимире на Клязьме, по всей видимости, особым почитанием пользовался святой Дмитрия Солунский. Крестильное имя Дмитрий носили как сам владимирский князь Всеволод Юрьевич, так и один из его младших сыновей Владимир⁷¹. Построенный в честь небесного покровителя Всеволода Юрьевича храм к середине XIII в. концентрировал в себе большое количество святынь, собираемых в свое время как самим Всеволодом, так и его сыном Константином. В Дмитровском соборе хранились гробница и одежда святого Дмитрия Солунского. Под 1218 г. в Лаврентьевской летописи описывается торжественное перенесение во Владимир из Константинополя частицы Креста Господня, частей мощей святого Лонгина (обе руки святого) и святой Марии Магдалины. Заканчивалось празднество перенесения мощей в Дмитровском храме, где, по всей видимости, и были размещены святыни⁷².

Княжеское храмовое строительство могло соотноситься с христианским антропоникином конкретного древнерусского князя, его ближайших родственников, а также всего княжеского рода. Род Рюриковичей через многочисленные матримониальные браки имел родственные связи с представителями других государств, что также нашло свое отражение в храмовом строительстве⁷³.

* * *

При рассмотрении церковного строительства в домонгольской Руси отдельного внимания заслуживает Новгород. Согласно исследованиям П. С. Стефановича, в отличие от киевских храмов, которые представляли собой частные (домашние) церкви в усадьбах знатных киевлян и предназначались для узкого круга лиц, как правило представителей боярского или княжеского окружения, культовые строения Новгорода выполняли функцию приходских храмов. В

⁷⁰ Основателем новгородского Георгиевского монастыря считаются Всеволод/Гавриил Мстиславич и игумен Юрьева монастыря Кириак (НПА. С. 21), ктитор Георгиевской церкви в Каневе – Всеволод/Кирилл Ольгович (ПСРА. Т. 1. Вып. 2. Стб. 312), инициатором строительства церкви в Ладоге был Святослав/Иоанн Ростиславич [Беляев, 2014г, с. 443].

⁷¹ ПСРА. Т. 2. Стб. 674–675. Показательно, что Владимир Всеволодович был назван в честь своего прапрадеда Владимира Мономаха и был его полным тезкой, что подчеркивает летописец.

⁷² ПСРА. Т. 1. Вып. 2. Стб. 441–442.

⁷³ Наиболее примечательным примером служит постройка киевским князем Святославом Ярославичем Симеоновского монастыря в Киеве (1073–1076 гг.). Монастырь упоминается в связи с первичным погребением Игоря Ольговича (ПСРА. Т. 2. Стб. 354). Согласно исследованиям А. Ф. Литвиной и Ф. Б. Успенского, монастырь был возведен в честь святого Симеона Столпника (Тирского?). Через свою супругу, немку Оду, Святослав Ярославич являлся шурином ее брату Бурхарду – настоятелю монастыря Святого Симеона в Трире. Таким образом, строительство Симеоновского монастыря в Киеве было обусловлено родством князя Святослава с настоятелем тирской обители Бурхардом, приобретенным через брак [Литвина, Успенский, 2010, с. 17].

сравнении с Киевским княжеством, в Новгороде храмовое строительство было ориентировано на «коллективизм» в противовес киевскому «индивидуализму» [Стефанович, с. 126].

В соответствии с *летописными* свидетельствами, не княжеские церковные постройки Новгорода XI – первой половины XIII в. по своему количеству значительно превосходили княжеские храмы. С 1045 по 1198 г. в летописных сообщениях упоминается о существовании 11 новгородских храмов, основанных князьями, в то время как не княжеских церквей в период с 1115 по 1233 г. в Новгородской первой летописи зафиксировано 57.

Практически все князья – основатели церквей правили в Новгороде в период строительства храмов. Единственным не новгородским князем, основавшим в городе храм, был Изяслав Мстиславич. В 1133 г. туровский князь закладывает в Новгороде церковь Святого Пантелеимона и одноименный монастырь. За исключением данного храма, больше ни одна из новгородских княжеских церковных построек не была возведена в честь патрональных святых князей-основателей⁷⁴. Также примечательно, что за исключением Всеволода Мстиславича, который в 1127 г. основал церковь Святого Иоанна на Опоках в честь своего малолетнего сына Ивана⁷⁵, ни один из новгородских князей-ктиторов не называл основанные храмы в честь святых – покровителей своих ближайших родственников.

Большинство княжеских новгородских храмов были посвящены Богородице (церковь Благовещения на Городище, храм Богородицы на Торгу), Святой Троице, Софии или Спасу (Спасо-Преображенская церковь на Нередице). Отсутствие храмов в честь патрональных святых, по всей видимости, можно объяснить особенностями политического устройства Новгорода.

На протяжении XI–XII вв. в Новгороде не утвердилась ни одна из ветвей Рюриковичей. С середины XII в. в городе окончательно сформировалась система власти, основанная на совместном правлении приглашенного князя Рюриковича и новгородского посадника, при активном влиянии на политическую жизнь вечевых собраний [Янин, 2003, с. 138–151].

Строительство новгородской Софии в 1045 г. Владимиром Ярославичем по инициативе киевского князя Ярослава было единственной попыткой символически обозначить властные претензии киевского князя на Новгород. В XII в. князья строят в Новгороде храмы, которые особо почитались не только отдельными Рюриковичами или некоторыми княжескими семьями. В отличие от южнорусских храмов, а также от храмов Владимиро-Суздальской земли, которые служили родовыми христианскими центрами отдельных ветвей династии, в Новгороде княжеское храмовое строительство ориентировалось в первую очередь на городское население. Княжеские новгородские храмы были посвящены общехристианским культам (Богородицы, Троицы, Святого Спаса), которые в одинаковой степени почитались как всеми князьями Рюриковичами, так и широкими слоями населения. Ктиторийская деятельность Рюриковичей в Новгороде позволяет говорить о формировании князьями универсальных христианских топосов с целью получения одобрения и поддержки местного населения. Данная деятельность князей, правивших в Новгороде, служила укреплением их социального авторитета и престижа в городе.

Также обращает на себя внимание, что три княжеских новгородских храма были освящены в честь святого Николая. В 1113 г. на Ярославовом Дворище Мстислав Владимирович основывает

⁷⁴ Стоит отметить, что на сегодняшний день доподлинно не известно крестильное имя новгородского князя Святослава Ростиславича. Учитывая, что князем в 1165 г. была основана церковь Святого Николая, нельзя исключать, что это имя и было его крестильным именем. В некоторых работах можно встретить указание на то, что крестильным именем князя было Иоанн. Основанием для данной гипотезы является сфрагистическая реконструкция В. Л. Янина княжеской печати с изображением святого Иоанна Предтечи и архангела Михаила [Янин, 1970, с. 114–115].

⁷⁵ НПА. С. 21. В связи со смертью Ивана Всеволодовича в 1128 г. церковь была передана общине купцов.

церковь Николая Мирликийского⁷⁶. В 1165 г. Святославом Ростиславичем (1134/1139–1170) закладывается храм Святого Николая на Городище⁷⁷. В 1191 г. Ярослав Владимирович († после 1205 г.) также на Городище основывает (возможно, заново отстраивает) храм Святого Николая⁷⁸. Согласно летописным данным, все домонгольские храмы, основанные в честь святого Николая, были построены в Новгороде правящими в городе князьями Рюриковичами. Информации о возведении в Новгороде храмов в честь святого Николая, не относящихся к княжеским церковным постройкам, не зафиксировано.

Христианское имя Николай нельзя назвать распространенным крестильным именем в княжеском именовании. Из всех древнерусских князей известны три князя, носившие в крещении имя в честь Николая Мирликийского: Святослав/Николай Ярославич (1027–1076), Святослав/Николай Давыдович (1080–1143), Святослав/Николай Ольгович (1106–1164) [Литвина, Успенский, 2006, с. 609]. Таким образом, оба внука Святослава Ярославича наследуют родовое и крестильное имена деда. Все три князя относились к княжеской линии Святославичей-Ольговичей. Из них только Святослав Ольгович непродолжительное время являлся новгородским князем (1136–1138 и 1140–1141 гг.). Этот князь не отметился в летописях ктиторийской деятельностью, однако в Новгородской первой летописи сообщается, что, став новгородским князем в 1136 г., Святослав освятил храм Святого Николая на Ярославовом Дворище⁷⁹. Освящение произошло за день до праздника памяти Николая Мирликийского (6 декабря). Именно в новгородской церкви Святого Николая Святослав Ольгович венчался своими священниками («своими попы»), после того как венчать князя отказался новгородский епископ Нифонт⁸⁰.

Что касается князей – непосредственных заказчиков новгородских храмов, посвященных Николаю Мирликийскому, то ни для одного из них святой не был небесным покровителем. При этом примечательно, что характерной чертой в формировании локальных родовых некрополей Рюриковичей XII в. являлось наименование монастырей в честь святых воинов – христианских заступников князей-основателей⁸¹. За такими антропонимическими элементами сочетаний мирского и христианского имен как Всеволод-Андрей, Святополк-Михаил, Мстислав-Федор, могут обнаруживаться сходные концепты, где за каждым элементом просматривается образ воина [Литвина, Успенский, 2006, с. 408–409]. Как известно, святой Николай Мирликийский не являлся святым воином, как Андрей Стратилат, архангел Михаил или Федор Тирон.

Наш взгляд, основная цель княжеского строительства в Новгороде храмов, посвященных мирликийскому святителю, заключается в широком распространении культа святого Николая [Белова, с. 321]. Известно, что этот святой считался покровителем практически всех слоев населения. Культ Николая Чудотворца на Руси начал активно распространяться с конца XI в. Ключевым событием, которое оказало большое влияние на распространение в домонгольской Руси культа святого Николая, стало установление на Руси в начале 90-х гг. XI в. празднования перенесения мощей святого в итальянский город Бари [Хрусталева, с. 252]. Строительство кня-

⁷⁶ НПЛ. С. 20.

⁷⁷ Основание храма Святого Николая Святославом Ростиславичем упоминается вместе со строительством этим же князем церкви Святой Троицы (НПЛ. С. 31–32).

⁷⁸ НПЛ. С. 39.

⁷⁹ Там же. С. 24.

⁸⁰ Там же.

⁸¹ Федоровский монастырь, который являлся родовой усыпальницей потомков Мстислава/Федора Владимировича, был освящен в честь святого воина Федора Тирона, небесного покровителя Мстислава. В 1086 г. в Киеве Всеволодом Ярославичем был основан Андреевский (Янчин) монастырь, названный в честь небесного покровителя Всеволода – святого Андрея. Потомки Святополка Изяславича были захоронены в киевском храме Архангела Михаила одноименного Михайловского монастыря. Храм и монастырь основаны по инициативе Святополка и были освящены в честь его небесного покровителя Архистратига Михаила.

зьями в Новгороде храмов, посвященных святому Николаю Мирликийскому, было призвано обеспечить лояльность к правящим в городе князьям со стороны городского населения.

Донаторами и основателями большинства новгородских храмов, *отмеченных в летописях*, являлись архиепископы, игумены, посадники, тысяцкие, купеческие объединения. Довольно часто в летописи присутствует информация об основании храма, однако отсутствуют известия о заказчике⁸².

Среди не княжеских храмов Новгорода встречаются редкие упоминания о церквях, посвященных святым-воинам, почитание которых было широко распространено в княжеской среде: святого Федора⁸³, архангела Михаила⁸⁴, святого Георгия⁸⁵, святого Дмитрия⁸⁶. Однако большинство новгородских домонгольских храмов были посвящены святым, которые не относились к известным княжеским крестильным именам и не были характерны для именованного Рюриковичей: пророка Ильи⁸⁷, святых Космы и Дамиана⁸⁸, святого Саввы⁸⁹, святой Параскевы Пятницы⁹⁰, святого Якова⁹¹, святого Иакова⁹², святого Евпатия⁹³, святого Власия⁹⁴, святых Анны, Азарии и Мисаила⁹⁵, пророка Даниила⁹⁶, апостола Филиппа⁹⁷, святого Никифора⁹⁸, святого Евфимия⁹⁹, сорока Севастийских мучеников¹⁰⁰, святого Симеона Столпника¹⁰¹, святого Луки¹⁰², святой Варвары¹⁰³, святого Симеона Богоприимца¹⁰⁴, святых Константина и Елены¹⁰⁵. Это дает основания для предположения, что в организации сакрального пространства Новгорода доминирующее значение играли представители знати (посадники, тысяцкие), высшего новгородского духовенства (архиепископы, игумены) и купеческих объединений.

Поскольку новгородский князь с XII в. являлся в большинстве случаев приглашенной и временной политической фигурой, князья Рюриковичи были существенно ограничены в создании христианских топонимов, которые смогли бы обозначить высокий социальный статус того или иного князя и обосновать его претензии на широкие властные полномочия. Кроме этого, особенности политической жизни Новгорода (доминирующее значение веча, большое влияние архиепископа и посадника) не позволяли князьям Рюриковичам обозначить в городе свое родовое пространство через посвящение храмов своим небесным покровителям.

⁸² Данное обстоятельство позволяет нам отнести эти храмы к не княжеским постройкам, так как в летописях при упоминании о закладке, постройке или освящении княжеского храма обязательно присутствует информация о князе-основателе.

⁸³ НПЛ. С. 20, 72.

⁸⁴ Там же. С. 36, 59.

⁸⁵ Там же. С. 37.

⁸⁶ Там же. С. 41–42.

⁸⁷ Там же. С. 27, 43.

⁸⁸ Там же. С. 27.

⁸⁹ Там же. С. 29, 37.

⁹⁰ Там же. С. 30, 39.

⁹¹ Там же. С. 34.

⁹² Там же. С. 37, 65.

⁹³ Там же. С. 37.

⁹⁴ Там же.

⁹⁵ Там же. С. 39.

⁹⁶ Там же.

⁹⁷ Там же. С. 41.

⁹⁸ Там же. С. 43.

⁹⁹ Там же.

¹⁰⁰ Там же. С. 44.

¹⁰¹ Там же. С. 50.

¹⁰² Там же.

¹⁰³ Там же. С. 57.

¹⁰⁴ Там же. С. 63.

¹⁰⁵ Там же.

* * *

Таким образом, через строительство христианских храмов древнерусские князья обозначали сакральные локусы, где благодаря правильно организованному пространству происходили легитимизация власти и репрезентация их властных прерогатив и возможностей.

На начальном этапе христианизации Руси (конец X – первая половина XI в.), а также в процессе создания новых политических образований (Владимирское княжество во второй половине XII в.) такие князья, как Владимир Святославич, Ярослав Владимирович, Андрей Юрьевич, присваивали, использовали и создавали новые пространства, в которых их властные проекты могли быть воплощены в величественных христианских храмах.

Со второй половины XI и на всем протяжении XII в. в разных древнерусских городах происходит создание патрональных храмов и монастырей, что позволяло обозначить место той или иной княжеской линии в структуре общего княжеского рода. Храмы посвящались святым покровителям князей-заказчиков, ближайших родственников князя или общеродовым святым. В результате происходило формирование родового сакрального пространства отдельных княжеских линий династии.

Одной из особенностей княжеского храмового строительства в Новгороде является практически полное отсутствие храмов в честь патрональных княжеских святых. Ктиторийская деятельность Рюриковичей в Новгороде свидетельствует о попытках выстраивания князьями универсальных сакральных топосов с целью получения одобрения и поддержки местного населения, что должно было способствовать укреплению княжеского авторитета и престижа.

Литература

- Агентьев К. К. Мозаики Киевской св. Софии и «Слово» митрополита Илариона в византийском литургическом контексте // Византиноведение. СПб., 1995. Т. 1. Литургия, архитектура и искусство византийского мира. С. 75–94.
- Аристов В. Нарративная функция мотива «старейшинства» в летописной повести о Борисе и Глебе // Борисо-Глебский сборник. Collectanea Borisoglebica. Paris, 2009. Вып. 1. С. 341–352.
- Артамонов Ю. А. Борисоглебский монастырь на Смядыни // Древняя Русь в средневековом мире. Энциклопедия. М., 2014. С. 83.
- Архипова Е. Каменная иконка с Тамани с изображением воина-мученика св. Глеба // Борисо-Глебский сборник. Collectanea Borisoglebica. Paris, 2009. Вып. 1. С. 157–182.
- Асеев Ю. С., Беляев Л. А. Василия церковь // Древняя Русь в средневековом мире. Энциклопедия. М., 2014. С. 157.
- Белова О. В. Николай // Славянская мифология. Энциклопедический словарь. М., 2019. С. 321–322.
- Беляев Л. А. Софийский собор в Новгороде // Древняя Русь в средневековом мире. Энциклопедия. М., 2014. С. 777–778. [Беляев, 2014а]
- Беляев Л. А. Покрова Богородицы церковь на Нерли // Древняя Русь в средневековом мире. Энциклопедия. М., 2014. С. 629–630. [Беляев, 2014б]
- Беляев Л. А. Иоанна Богослова церковь // Древняя Русь в средневековом мире. Энциклопедия. М., 2014. С. 764. [Беляев, 2014в]
- Беляев Л. А. Георгиевская церковь // Древняя Русь в средневековом мире. Энциклопедия. М., 2014. С. 443–444. [Беляев, 2014г]
- Василик В. В. Святой равноапостольный князь Владимир как новый Константин // Русин. 2015. № 4 (42). С. 321–333.
- Виноградов А. Я., Ёлшин Д. Д. Греческая эпиграфика Десятинной церкви в Киеве // Византийские очерки. СПб., 2016. С. 43–61.
- Воронин Н. Н. Памятники Владимиро-Суздальского зодчества XI–XIII вв. М.; Л., 1945. 90 с., [20] л. ил.
- Высоцкий С. А. Древнерусские надписи Софии Киевской. Киев, 1966. Вып. 1. 239 с.
- Высоцкий С. А. Золотые ворота в Киеве. Киев, 1982. 128 с.

- Гайденко П. И. Крушение мечты о Владимирской митрополии (о причинах церковно-политической неудачи Андрея Боголюбского) // История: факты и символы. 2020. № 1 (22). С. 35–50. DOI 10.24888/2410-4205-2020-22-1-35-50
- Голубинский Е. Е. История канонизации святых в Русской Церкви. 2-е изд., испр. и доп. М., 1903. [4], 600 с.
- Данилевский И. Н. Мог ли Киев быть Новым Иерусалимом? // Одиссей: Человек в истории. М., 1998. С. 134–150.
- Данилевский И. Н. Герменевтические основы изучения летописных текстов. Повесть временных лет. Изд. 2-е, перераб. и доп. СПб., 2019. 438 с.
- Ёлишин Д. Д. Организация монументального строительства в Киеве в конце X века (по материалам исследований Десятинной церкви) // Русь эпохи Владимира Великого: государство, церковь, культура. Материалы Международной научной конференции в память тысячелетия кончины святого равноапостольного князя Владимира и мученического подвига святых князей Бориса и Глеба, Москва, 14–16 октября 2015 г. М., 2017. С. 242–253.
- Ёлишин Д. Д., Фрезе А. А. «Дворцы» древнего Киева и византийские резиденции X–XV вв. // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2021. № 2 (84). С. 179–199. DOI 10.25986/IRI.2021.84.2.015
- Кежа Ю. Н. Места княжеских погребений в домонгольской Руси // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2022. № 1 (87). С. 16–35. DOI 10.25986/IRI.2022.87.1.002
- Козак Н. Б. Образ і влада. Княжі портрети у мистецтві Київської Русі XI ст. Львів, 2007. 156 с.
- Котляр Н. Ф., Седых В. Н. Сребреник // Древняя Русь в средневековом мире. Энциклопедия. М., 2014. С. 785–786.
- Кучкин В. А. Владимирское княжество // Древняя Русь в средневековом мире. Энциклопедия. М., 2014. С. 141.
- Лаушкин А. В. Закладка владимирского собора Святой Богородицы в 1158 году и возможная дата крещения святого князя Владимира // Русь эпохи Владимира Великого: государство, церковь, культура. Материалы Международной научной конференции в память тысячелетия кончины святого равноапостольного князя Владимира и мученического подвига святых князей Бориса и Глеба, Москва, 14–16 октября 2015 г. М., 2017. С. 69–83.
- Лидов А. М. Новые Иерусалимы. Перенесение Святой Земли как порождающая матрица христианской культуры // Новые Иерусалимы. Иеротопия и иконография сакральных пространств. М., 2009. С. 5–7.
- Литвина А. Ф., Успенский Ф. Б. Выбор имени русских князей в X–XVI вв. Династическая история сквозь призму антропоники. М., 2006. 740 с.
- Литвина А. Ф., Успенский Ф. Б. Монастырь св. Симеона в Киеве и русско-немецкие связи второй половины XI в. // Траектории Традиции: Главы из истории династии и церкви на Руси конца XI – начала XIII века. М., 2010. С. 9–20.
- Литвина А. Ф., Успенский Ф. Б. «...и в Киеве мя посадилъ и отцемъ мя назваь а я его сыном». Отцы и дети в династии Рюриковичей XII в. // Труды Института русского им. В. В. Виноградова. М., 2016. Вып. 9. История русского языка и культуры. Памяти Виктора Марковича Живова. С. 224–239.
- Лукин П. В. Новгород и Венеция. Сравнительно-исторические очерки становления республиканского строя. СПб., 2022. 301, [1] с.
- Назаренко А. В. Древняя Русь на международных путях. Междисциплинарные очерки культурных, торговых, политических связей IX–XII вв. М., 2001. 780 с., [1] л. портр.
- Назаренко А. В. Братское совладение, отчина, сеньорат (династический строй Рюриковичей X–XII вв. в сравнительно-историческом аспекте) // Древнейшие государства Восточной Европы. 2005 год. Рюриковичи и Российская государственность. М., 2008. С. 132–179.
- Назаренко А. В. Была ли столица в Древней Руси? Некоторые сравнительно-исторические и терминологические наблюдения // Назаренко А. В. Древняя Русь и славяне. М., 2009. (Древнейшие государства Восточной Европы, 2007 год). С. 103–113.
- Парамонова М. Ю. Святые правители Латинской Европы и Древней Руси: сравнительно-исторический анализ вацлавского и борисоглебского культов. М., 2003. 405 с.
- Печников М. В. Пантелеймонов монастырь в Новгороде // Древняя Русь в средневековом мире. Энциклопедия. М., 2014. С. 589.

- Преображенский А. С. Ктиторы русских храмов домонгольской эпохи: некоторые аспекты проблемы // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2012. Вып. 5 (13). URL: <https://history.jes.su/s207987840000429-0-1/> (дата обращения: 16.08.2022). [Преображенский, 2012а]
- Преображенский А. С. Ктиторские портреты средневековой Руси. XI – начало XVI века. М., 2012. 542 с. [Преображенский, 2012б]
- Ричка В. М. Київ – Другий Єрусалим (з історії політичної думки та ідеології середньовічної Русі). Київ, 2005. 243 с.
- Рычка В. [М.] Крест Чародея. Три Софии Всеслава Полоцкого: взгляд из Киева // Родина. 2007. № 6. С. 68–72.
- Рычка В. М. Киев – Иерусалим на Днепре (опыт осмысления религиозно-политической идеи) // Русь эпохи Владимира Великого: государство, церковь, культура. Материалы Международной научной конференции в память тысячелетия кончины святого равноапостольного князя Владимира и мученического подвига святых князей Бориса и Глеба, Москва, 14–16 октября 2015 г. М., 2017. С. 516–529.
- Свердлов М. Б. Домонгольская Русь: Князь и княжеская власть на Руси VI – первой трети XIII в. СПб., 2003. 734, [1] с.
- Смирнова Э. С. Ранние этапы иконографии святых князей Бориса и Глеба. Вопрос византийских образцов и сложения русской традиции // Борисо-Глебский сборник. *Collectanea Borisoglebica*. Paris, 2009. Вып. 1. С. 57–116.
- Соколова И. Несколько замечаний по поводу византийских прототипов древнерусских монет // Сообщения Государственного Эрмитажа. 1975. Вып. 40. С. 67–72.
- Стефанович П. С. Некняжеское церковное строительство в домонгольской Руси: Север и Юг // Церковно-исторический вестник. 2007. № 1. С. 117–133.
- Творогов О. В. Златник // Древняя Русь в средневековом мире. Энциклопедия. М., 2014. С. 300.
- Толочко А. П. Князь в Древней Руси: власть, собственность, идеология. Киев, 1992. 224 с.
- Толочко А. П. Как была разрушена Десятинная церковь в Киеве // Казус. Индивидуальное и уникальное в истории. 2012. Т. 9. С. 28–36.
- Толочко О. П. Русь: держава і образ держави. Київ, 1994. 37 с.
- Успенский Ф. Б. К характеристике культа святых в династии Рюриковичей домонгольского времени // Европа святых. Социальные, политические и культурные аспекты святости в средние века. М., 2018. С. 253–260.
- Хрусталева Д. Г. Разыскания о Ефреме Переяславском. СПб., 2002. 447 с.
- Янин В. Л. Актовые печати Древней Руси X–XV вв. М., 1970. Т. 1. Печати X – начала XIII вв. 325, [1] с., [1] л. ил.
- Янин В. Л. Новгородские посадники. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2003. 511 с.
- Roppe A. Państwo i kościół na Rusi w XI wieku. Warszawa, 1968. 252 s.

References

- Akent'ev, K. K. Mozaiki Kievskoi sv. Sofii i "Slovo" mitropolita Ilariona v vizantiiskom liturgicheskom kontekste [Mosaics of Kiev St. Sophia and the "Word" of Metropolitan Hilarion in the Byzantine Liturgical Context]. In *Vizantinorossika*. Saint Petersburg, 1995. Vol. 1. Liturgiia, arkhitektura i iskusstvo vizantiiskogo mira. Pp. 75–94.
- Aristov, V. Narrativnaya funktsiya motiva "stareishinstva" v letopisnoi povesti o Borise i Glebe [The Narrative Function of the "Elder" Motif in the Chronicle Tale of Boris and Gleb]. In *Boriso-Glebskii sbornik. Collectanea Borisoglebica*. Paris, 2009. Issue 1. Pp. 341–352.
- Arhipova, E. Kamennaya ikonka s Tamani s izobrazheniem voina-muchenika sv. Gleba [A Stone Icon from Taman with the Image of the Warrior-Martyr St. Gleb]. In *Boriso-Glebskii sbornik. Collectanea Borisoglebica*. Paris, 2009. Issue 1. Pp. 157–182.
- Artamonov, Yu. A. Borisoglebskii monastyr' na Smyadyni [Boris and Gleb Monastery on Smyadyn]. In *Drevnyaya Rus' v srednevekovom mire. Entsiklopediya*. Moscow, 2014. P. 83.
- Aseev, Yu. S., Belyaev, L. A. Vasiliya tserkov' [Basil Church]. In *Drevnyaya Rus' v srednevekovom mire. Entsiklopediya*. Moscow, 2014. P. 157.

- Belova, O. V. Nikolai [Nicholas]. In *Slavyanskaya mifologiya. Entsiklopedicheski slovar'*. Moscow, 2019. Pp. 321–322.
- Belyaev, L. A. Sofiiskii sobor v Novgorode [Sophia Cathedral in Novgorod]. In *Drevnyaya Rus' v srednevekovom mire. Entsiklopediya*. Moscow, 2014. Pp. 777–778. [Belyaev, 2014a]
- Belyaev, L. A. Pokrova Bogoroditsy tserkov' na Nerli [Church of the Intercession of the Virgin on Nerl]. In *Drevnyaya Rus' v srednevekovom mire. Entsiklopediya*. Moscow, 2014. Pp. 629–630. [Belyaev, 2014b]
- Belyaev, L. A. Ioanna Bogoslova tserkov' [John the Evangelist Church]. In *Drevnyaya Rus' v srednevekovom mire. Entsiklopediya*. Moscow, 2014. P. 764. [Belyaev, 2014v]
- Belyaev, L. A. Georgievskaya tserkov' [St. George Church]. In *Drevnyaya Rus' v srednevekovom mire. Entsiklopediya*. Moscow, 2014. Pp. 443–444. [Belyaev, 2014g]
- Danilevskii, I. N. Mog li Kiev byt' Novym Ierusalimom? [Could Kiev be the New Jerusalem?]. In *Odissei: Chelovek v istorii*. Moscow, 1998. Pp. 134–150.
- Danilevskii, I. N. Germenevticheskie osnovy izucheniya letopisnykh tekstov. Povest' vremennykh let [Hermeneutical Foundations for the Study of Chronicle Texts. The Tale of Bygone Years]. 2nd edition, revised and expanded. Saint Petersburg, 2019. 438 p.
- Elshin, D. D. Organizatsiya monumental'nogo stroitel'stva v Kieve v kontse X veka (po materialam issledovaniya Desyatinnoi tserkvi) [Organization of Monumental Construction in Kiev at the End of the 10th Century (Based on Research Materials of the Church of the Tithes)]. In *Rus' epokhi Vladimira Velikogo: gosudarstvo, tserkov', kul'tura. Materialy Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii v pamyat' tysyacheletiya konchiny svyatogo ravnoapostol'nogo knyazya Vladimira i muchenicheskogo podviga svyatykh knyazei Borisa i Gleba, Moskva, 14–16 oktyabrya 2015 g.* Moscow, 2017. Pp. 242–253.
- Elshin, D. D., Freze, A. A. "Dvortsy" drevnego Kieva i vizantiiskie rezidentsii X–XV vv. ["Palaces" of the Early Kiev and the Byzantine Palatial Architecture in the 10th – 15th Centuries]. In *Drevnyaya Rus'. Voprosy medievistiki*. 2021. No. 2 (84). Pp. 179–199. DOI 10.25986/IRI.2021.84.2.015
- Gaidenko, P. I. Krushenie mechty o Vladimirskei mitropolii (o prichinakh tserkovno-politicheskoi neudachi Andrey Bogolyubskogo) [The Collapse of the Dream of the Metropolis of Vladimir (On the Reasons for the Ecclesiastical and Political Failure of Andrei Bogolyubsky)]. In *Istoriya: fakty i simvoly*. 2020. No. 1 (22). Pp. 35–50. DOI 10.24888/2410-4205-2020-22-1-35-50
- Golubinskii, E. E. Istoriya kanonizatsii svyatykh v Russkoi Tserkvi [The History of the Canonization of Saints in the Russian Church]. 2nd edition, revised and expanded. Moscow, 1903. [4], 600 p.
- Kezha, Yu. N. Mesta knyazheskikh zakhoroneni v domongol'skoi Rusi [Burial Places of the Rulers of the pre-Mongol Rus]. In *Drevnyaya Rus'. Voprosy medievistiki*. 2022. No. 1 (87). Pp. 16–35. DOI 10.25986/IRI.2022.87.1.002
- Khrustalev, D. G. Razyskaniya o Efreime Pereyaslavskom [Research about Ephraim Pereyaslavsky]. Saint Petersburg, 2002. 447 p.
- Kotlyar, N. F., Sed'kh, V. N. Srebrenik [Srebrenik]. In *Drevnyaya Rus' v srednevekovom mire. Entsiklopediya*. Moscow, 2014. Pp. 785–786.
- Kozak, N. B. Obraz i vlada. Knyazhi portreti u mistetstvi Kiivs'koi Rusi XI st. [Image and Power. Portraits of Princes in the Art of Kievan Rus of the 11th Century]. Lvov, 2007. 156 p.
- Kuchkin, V. A. Vladimirskeoe knyazhestvo [Vladimir Principality]. In *Drevnyaya Rus' v srednevekovom mire. Entsiklopediya*. Moscow, 2014. P. 141.
- Laushkin, A. V. Zakladka vladimirskogo sobora Svyatoi Bogoroditsy v 1158 godu i vozmozhnaya data kreshcheniya svyatogo knyazya Vladimira [Founding the Vladimir Cathedral of the Holy Mother of God in 1158 and the Possible Date of the Baptism of St. Prince Vladimir]. In *Rus' epokhi Vladimira Velikogo: gosudarstvo, tserkov', kul'tura. Materialy Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii v pamyat' tysyacheletiya konchiny svyatogo ravnoapostol'nogo knyazya Vladimira i muchenicheskogo podviga svyatykh knyazei Borisa i Gleba, Moskva, 14–16 oktyabrya 2015 g.* Moscow, 2017. Pp. 69–83.
- Lidov, A. M. Novye Ierusalimy. Perenesenie Svyatoi Zemli kak porozhdayushchaya matritsa khristianskoi kul'tury [New Jerusalem. Transference of the Holy Land as Generating Matrix of Christian Culture]. In *Novye Ierusalimy. Ierotopiya i ikonografiya sakral'nykh prostranstv*. Moscow, 2009. Pp. 5–7.

- Litvina, A. F., Uspenskii, F. B. Vybor imeni russkikh knyazei v X–XVI vv. Dinasticheskaya istoriya skvoz' prizmu antroponimiki [The Choice of the Name of Russian Princes in the 10th – 16th Centuries. Dynastic History through the Prism of Anthroponymy]. Moscow, 2006. 740 p.
- Litvina, A. F., Uspenskii, F. B. Monastyr' sv. Simeona v Kieve i rusko-nemetskie svyazi vtoroi poloviny XI v. [Monastery of St. Simeon in Kiev and Russian-German Relations in the Second Half of the 11th Century]. In *Traektorii Traditsii: Glavy iz istorii dinastii i tserkvi na Rusi kontsa XI – nachala XIII veka*. Moscow, 2010. Pp. 9–20.
- Litvina, A. F., Uspenskii, F. B. "...i v Kieve mya posadil" i ottsem' mya nazval" a ya ego synom". Ottsy i deti v dinastii Ryurikovichei XII v. ["...and in Kiev He Put Me and Called Me His Father, and I Called Him His Son". Fathers and Sons in the Rurikids Dynasty in the 12th Century]. In *Trudy Instituta russkogo im. V. V. Vinogradova*. Moscow, 2016. Issue 9. Istoriya russkogo yazyka i kul'tury. Pamyati Viktora Markovicha Zhivova. Pp. 224–239.
- Lukin, P. V. Novgorod i Venetsiya. Sravnitel'no-istoricheskie ocherki stanovleniya respublikanskogo stroya [Novgorod and Venice. Comparative-Historical Essays of the Formation of the Republican System]. Saint Petersburg, 2022. 301, [1] p.
- Nazarenko, A. V. Drevnyaya Rus' na mezhdunarodnykh putyakh. Mezhdistsiplinarnye ocherki kul'turnykh, torgovykh, politicheskikh svyazei IX–XII vv. [Old Rus on International Ways. Interdisciplinary Essays on Cultural, Trade, and Political Relations in the 9th – 12th Centuries]. Moscow, 2001. 780 p., [1] l. of portr.
- Nazarenko, A. V. Bratskoe sovladenie, otchina, sen'orat (dinasticheskii stroi Ryurikovichei X–XII vv. v sravnitel'no-istoricheskom aspekte) [Fraternal Co-ownership, Fatherland, Seigneurate (The Dynastic System of the Rurikids of the 10th – 12th Centuries in a Comparative Historical Aspect)]. In *Drevneishie gosudarstva Vostochnoi Evropy. 2005 god. Ryurikovichi i Rossiiskaya gosudarstvennost'*. Moscow, 2008. Pp. 132–179.
- Nazarenko, A. V. Byla li stolitsa v Drevnei Rusi? Nekotorye sravnitel'no-istoricheskie i terminologicheskie nablyudeniya [Was There a Capital in Old Rus? Some Comparative Historical and Terminological Observations]. In *Nazarenko, A. V. Drevnyaya Rus' i slavyane*. Moscow, 2009. (Drevneishie gosudarstva Vostochnoi Evropy, 2007 god). Pp. 103–113.
- Paramonova, M. Yu. Svyatyte praviteli Latinskoi Evropy i Drevnei Rusi: sravnitel'no-istoricheskii analiz vatslavskogo i borisoglebskogo kul'tov [Holy Rulers of Latin Europe and Old Rus: A Comparative Historical Analysis of the Wenceslas and Boris and Gleb Cults]. Moscow, 2003. 405 p.
- Pechnikov, M. V. Panteleimonov monastyr' v Novgorode [Panteleimon Monastery in Novgorod]. In *Drevnyaya Rus' v srednevekovom mire. Entsiklopediya*. Moscow, 2014. P. 589.
- Poppe, A. Państwo i kościół na Rusi w XI wieku. Warszawa, 1968. 252 s.
- Preobrazhenskii, A. S. Ktitory russkikh khramov domongol'skoi epokhi: nekotorye aspekty problemy [Patrons of Russian Churches of the pre-Mongol Era: Some Aspects of the Problem]. In *Elektronnyi nauchno-obrazovatel'nyi zhurnal "Istoriya"*. 2012. Issue 5 (13). URL: <https://history.jes.su/s207987840000429-0-1/> (accessed 16 August 2022). [Preobrazhenskii, 2012a]
- Preobrazhenskii, A. S. Ktitorskie portrety srednevekovoi Rusi. XI – nachalo XVI veka [Ktitor Portraits of Medieval Rus. 11th – the Beginning of the 16th Centuries]. Moscow, 2012. 542 p. [Preobrazhenskii, 2012b]
- Richka, V. M. Kiiv – Drugii Erusalim (z istorii politichnoi dumki ta ideologii seredn'ovichnoi Rusi) [Kyiv is the Second Jerusalem (From the History of Political Thought and Ideology of Medieval Rus)]. Kiev, 2005. 243 p.
- Rychka, V. [M.] Krest Charodeya. Tri Sofii Vseslava Polotskogo: vzglyad iz Kieva [Cross of the Sorcerer. Three Sophia of Vseslav of Polotsk: A View from Kiev]. In *Rodina*. 2007. No. 6. Pp. 68–72.
- Rychka, V. M. Kiev – Ierusalim na Dnepre (opyt osmysleniya religiozno-politicheskoi idei) [Kiev is Jerusalem on Dnieper (The Experience of Understanding the Religious and Political Idea)]. In *Rus' epokhi Vladimira Velikogo: gosudarstvo, tserkov', kul'tura. Materialy Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii v pamyat' tysyacheletiya konchiny svyatogo ravnoapostol'nogo knyazyia Vladimira i muchenicheskogo podviga svyatykh knyazei Borisa i Gleba, Moskva, 14–16 oktyabrya 2015 g.* Moscow, 2017. Pp. 516–529.
- Smirnova, E. S. Rannie etapy ikonografii svyatykh knyazei Borisa i Gleba. Vopros vizantiiskikh obraztsov i slozheniya russkoi traditsii [Early Stages of the Iconography of the Holy Princes Boris and Gleb. The Issue of Byzantine Samples and the Formation of Russian Tradition]. In *Boriso-Glebskii sbornik. Collectanea Borisoglebica*. Paris, 2009. Issue 1. Pp. 57–116.

- Sokolova, I. Neskol'ko zamechaniy po povodu vizantiiskikh prototipov drevnerusskikh monet [A Few Remarks about the Byzantine Prototypes of Old Russian Coins]. In *Soobshcheniya Gosudarstvennogo Ermitazha*. 1975. Issue 40. Pp. 67–72.
- Stefanovich, P. S. Neknyazheskoe tserkovnoe stroitel'stvo v domongol'skoi Rusi: Sever i Yug [Non-Princely Church Building in pre-Mongol Rus: North and South]. In *Tserkovno-istoricheskii vestnik*. 2007. No. 1. Pp. 117–133.
- Sverdlov, M. B. Domongol'skaya Rus': Knyaz' i knyazheskaya vlast' na Rusi VI – pervoi treti XIII v. [Pre-Mongol Rus: Prince and Princely Power in Rus in the 6th – the First Third of the 13th Century]. Saint Petersburg, 2003. 734, [1] p.
- Tolochko, A. P. Knyaz' v Drevnei Rusi: vlast', sobstvennost', ideologiya [Prince in Old Rus: Power, Property, Ideology]. Kiev, 1992. 224 p.
- Tolochko, A. P. Kak byla razrushena Desyatinnaya tserkov' v Kieve [How the Church of the Tithes in Kiev was Destroyed]. In *Kazus. Individual'noe i unikal'noe v istorii*. 2012. Vol. 9. Pp. 28–36.
- Tolochko, O. P. Rus': Derzhava i obraz derzhavi [Rus: The State and the Image of the State]. Kiev, 1994. 37 p.
- Tvorogov, O. V. Zlatnik [Zlatnik]. In *Drevnyaya Rus' v srednevekovom mire. Entsiklopediya*. Moscow, 2014. P. 300.
- Uspenskii, F. B. K kharakteristike kul'ta svyatykh v dinastii Ryurikovichei domongol'skogo vremeni [On the Characteristics of the Cult of Saints in the Rurikids Dynasty of pre-Mongol Times]. In *Evropa svyatykh. Sotsial'nye, politicheskie i kul'turnye aspekty svyatosti v srednie veka*. Moscow, 2018. Pp. 253–260.
- Vasilik, V. V. Svyatoi ravnoapostol'nyi knyaz' Vladimir kak novyi Konstantin [Holy Equal-to-the-Apostles Prince Vladimir as the New Constantine]. In *Rusin*. 2015. No. 4 (42). Pp. 321–333.
- Vinogradov, A. Ya., Elshin, D. D. Grecheskaya epigrafika Desyatinnoi tserkvi v Kieve [Greek Epigraphy of the Church of the Tithes in Kiev]. In *Vizantiiskie ocherki*. Saint Petersburg, 2016. Pp. 43–61.
- Voronin, N. N. Pamyatniki Vladimiro-Suzdal'skogo zodchestva XI–XIII vv. [Monuments of Vladimir-Suzdal Architecture of the 11th – 13th Centuries]. Moscow; Leningrad, 1945. 90 p., [20] l. of il.
- Vysotskii, S. A. Drevnerusskie nadpisi Sofii Kievskoi [Old Russian Inscriptions of St. Sophia of Kiev]. Kiev, 1966. Issue 1. 239 p.
- Vysotskii, S. A. Zolotyie vorota v Kieve [Golden Gate in Kiev]. Kiev, 1982. 128 p.
- Yanin, V. L. Aktovye pechati Drevnei Rusi X–XV vv. [Act Seals of Old Rus of the 10th – 15th Centuries]. Moscow, 1970. Vol. 1. Pechati X – nachala XIII vv. [Seals of the 10th – the Beginning of the 13th Centuries]. 325, [1] p., [1] l. of il.
- Yanin, V. L. Novgorodskie posadniki [Novgorod Posadniks]. 2nd edition, revised and expanded. Moscow, 2003. 511 p.

Yury N. Kezha

Belarusian State University, Minsk, Republic of Belarus

POWER IN STONE: PRINCELY TEMPLE CONSTRUCTION IN PRE-MONGOLIAN RUS

The article dwells on the ktitor activities of the Old Rus princes in Eastern Europe from the end of the 10th century to the 30s of the 13th century. The construction of temples is analyzed in the context of the representation of princely power, as well as the formation of the ancestral sacred space by individual representatives of the Rurik dynasty. The construction of cathedrals in large cities of Rus presupposed the designation of a high status in the dynasty with a claim to broad powers at the initial stage of Christianization, and the creation of new political formations in the second half of the 12th century. This tendency included the desire to get control over social space with a clear focus on biblical patterns. Patronal churches and monasteries were created from the second half of the 11th century and throughout the 12th century in Old Rus cities. This fact made it possible to designate the place of one or another princely line in the structure of a common princely family. The ktitor activity of the Rurikids in Novgorod testifies to the attempts of the princes to build universal sacred topoi in order to obtain the approval and support of the local people, which should have strengthened the princely authority and prestige.

Keywords: Old Rus, Rurikids, princely power, Old Rus temples, ktitor princes

